

М. Б. Бессуднова

**ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ЛИВОНСКОГО МАГИСТРА ИОАННА ВАЛЬДХАУСА
ФОН ХЕРЗЕ (1470–1471)***

История включения Великого Новгорода в состав Московского государства содержит в себе много неясного. В первую очередь это касается событий 1471 г., связанных с первым новгородским походом великого князя Московского Ивана III Васильевича (1462–1505), который, как повествует русская летописная традиция, был спровоцирован «прозападническими» настроениями новгородских властей. Спротивление Новгорода политике великих князей Московских и его намерение в союзе с католической Литвой отстоять свою независимость осудил С. М. Соловьев,¹ после чего «отступничество» новгородцев, которые в угоду собственным амбициям препятствовали созданию Российского централизованного государства, в кругу российских историков стало восприниматься как объективная данность.² Сомнения возникли лишь тогда, когда исследователи обратили внимание на откровенно промосковский характер русского летописания конца XV в., его тенденциозность и несоответствие отдельных его свидетельств историческим реалиям.³

* Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а/Э.

¹ *Коча Л. А.* С. М. Соловьев о новгородской истории // ИИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 117.

² *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 842; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., Л., 1961. С. 266; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 133–135; *Алексеев Ю. Г.* Москва и Новгород накануне Шелонского похода // ИИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 75–97.

³ *Лурье Я. С.* Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании // ВИ. 1993. № 11–12. С. 3–17. В. Л. Янин также полагает, что при изложении событий 1471 г. составители летописей допустили «сознательное извращение сущности пролитовской политики соответствующей части новгородского общества», рассчитанное «на усиление конфликта и поиски убедительных причин готовящейся расправы над Новгородом» (*Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 323). Сближение же Новгорода с Литвой, по наблюдениям того же В. Л. Янина, было обусловлено не столько предательством новгородцев, сколько характером развития их взаимных контактов в XIII–XV вв. (*Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998).

Наши представления о новгородских событиях 1471 г. можно существенно скорректировать и дополнить, если воспользоваться показаниями ливонских источников, которые, как представляется, не вполне освоены российской исторической наукой. Между тем, благодаря близкому соседству Ливонии с Новгородом, ее государи (ландсгерры) и их подданные не только внимательно наблюдали за всем тем, что происходило на сопредельной территории, но и непосредственно участвовали в событиях. Интерес ливонцев к Новгороду был обусловлен, помимо территориальной близости двух государств и время от времени возникавшими противоречиями, также традициями сотрудничества, прежде всего торгового, развивавшегося в рамках межгосударственных договоров. Протяженность границы между Ливонией и землями Великого Новгорода была невелика – всего-то несколько десятков верст по реке Нарове – а значит, и поводов для пограничных конфликтов было немного. Предметом спора, который на протяжении всего XV в. вели Новгород и Ливонский орден, являлся остров Киффхольм (Суурсаар) в устье Наровы, но в целом новгородско-ливонская граница сохраняла ту конфигурацию, которую определял мирный договор 1224 г. По этой причине конфликты Новгорода с Ливонией, которых было немало, чаще всего возникали из-за обстоятельств, связанных с развитием русско-ганзейской торговли, но длились, как правило, недолго, поскольку Новгородская скра (устав Немецкого подворья в Новгороде) и длительная практика заключения равноправных и взаимовыгодных новгородско-ливонских договоров способствовали урегулированию конфликтных ситуаций.⁴

Сближение Новгорода и Ливонии предопределялось еще и спецификой их отношений с Псковом. Успехи внутренней колонизации на псковской и ливонской стороне, которые отчетливо проявили себя в XV в., привнесли в них дополнительную напряженность и драматизм. Граница, разделявшая области ливонского и псковского присутствия, по причине сложного ландшафта (густые леса, болота, озера) не была четко определена, что в связи с расширением крестьянской колонизации создало дополнительные сложности. Основной колонизационный поток в тех местах продвигался с востока на запад, с берегов Великой по направлению к ливонской границе, поскольку для латгальских и эстонских крестьян, при удобном случае проникавших в пределы псковских земель, чрезвычайно привлекательной была перспектива переселения в развивавшиеся города, отсутствовавшая у крестьян на псковских землях. Это обстоятельство, безусловно, снижало интенсивность проникновения ливонских крестьян на псковскую территорию и обусловило особую активность их русских соседей. Неопределенная, да к тому же еще и постоянно меняющаяся линия размежевания областей расселения псковских и ливонских крестьян явилась основной причиной пограничных инцидентов XV в., которые по мере развития внутренней колонизации становились все чаще, продолжительнее, ожесточеннее.⁵

⁴ Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV – начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 5–9.

Мирный русско-ливонский договор 1428 г. запрещал проникновение на чужую сторону под страхом смерти,⁶ но применение жестких мер не положило конец взаимным обидам.

Большинство конфликтов происходило из-за местности под названием Пурнау (Пурнова). Эта почти безлюдная полоса шириной не более 15–25 км, отделявшая окрестности Опочки от орденского округа Лудзен (Лудза), располагалась на краю гигантского болотного пространства (название «Пурнова» имеет в основе корень «*prüg*», «болото»). Договор о разделе латгальских земель, произведенном новгородцами и немцами крестоносцами в 1224 г., предусматривал передачу «Порнуве» и области Абрене («*abr̃g*», «водное пространство»), которая также станет объектом притязаний ливонцев и Пскова, Рижской епархии, хотя, возможно, псковичи сохраняли при этом право собирать там дань.⁷

Псков претендовал также на несколько рыбацких деревушек на острове Порка (Пиирисаар) на Псковском озере, что, по мнению прибалтийского историка К. Штерна, занимавшегося изучением русско-ливонского пограничья, было вызвано намерением псковских властей прибрать к рукам доходные рыболовецкие угодья. Нападения же русских на ливонские земли, вынуждавшие население покидать насиженные места, создавали для предполагаемой аннексии режим наибольшего благоприятствования.⁸ Советский историк Н. А. Казакова, напротив, сочла политику псковских властей ответом на систематические нападения, которым подвергались псковские земли с немецкой стороны.⁹ Ду-

⁵ В 1403 г. псковичами было совершено нападение на округ Нейхаузен, где был уничтожен запас зерна (Псковская III летопись (далее – ПИИЛ) // ПЛ. Т. 2. С. 110); то же самое повторилось в 1414 г. и на сей раз сопровождалось угоном скота (Псковская II летопись (далее – ПИЛ) // ПЛ. Т. 2. С. 36). 1427 г., когда закончился срок действия трехлетнего перемирия между Псковом и ливонским орденом, был отмечен незаконным проникновением ливонцев на псковскую территорию: «Того же лета Немцы на псковской земли сено косиша, и псковичи ехавшее во двюих насадах, и сено пожгоша, а Чюди изымаша 7 муж и повесиша их» (ПИИЛ. С. 124). Годом позже Рижский архиепископ Геннинг Шарфенберг писал курфюрсту Бранденбургскому, что из-за нападений русских он не может прислать денег на подавление гуситского движения в Чехии. Разговор шел о псковичах, которые, по словам архиепископа, «к нам враждебно настроены и доказывают это при каждом удобном случае, творя насилие. Они угрожают нападением нам и нашим подданным, чтобы вытеснить нас из наших владений на земле и воде; они всюду, где только могут, нападают на наших людей, живущих на границе, грабят их, вешают, замучивают до смерти; и мы в нашем бессилии должны все это сносить, поскольку они, русские из Пскова, думают принудить нас таким образом к денежным выплатам, чтобы потом с полным на то основанием диктовать нам условия мира, предусматривающего всего лишь четырехнедельный срок в случае его расторжения. Мы обязаны таким образом постоянно находиться в ожидании нападения. Русские хотят войны, чтобы снова подчинить себе эту бедную христианскую страну, частью которой они уже овладели, и имеют для этого достаточно сил» (Akten und Rezesse der livländischen Ständetage. Abt. 1 (далее – AR). Riga, 1907. № 368).

⁶ ГВИП. С. 346.

⁷ Назарова Е. Л. Из истории псковско-латгальского порубежья (округ Абрене в исторической ретроспективе) // Псков в российской и европейской истории. М., 2003. Т. 1. С. 190–191.

⁸ Stern C. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert // Baltische Monatschrift. Riga, 1937. S. 72.

⁹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 131–135, 157.

мается, что для обеих точек зрения есть основание, поскольку вытеснения «чужих» поселенцев с территорий, которые способны давать властям неплохой доход в виде поступлений от ловли рыбы, имели место и с той, и с другой стороны, однако активность псковичей оказалась более результативной. Момент для наступления был выбран ими очень удачно, поскольку тяжелое внутреннее состояние Ливонского ордена, как и его борьба с рижскими архиепископами и Ригой, под знаком которой прошла почти вся вторая половина XV в., существенным образом ослабили военный потенциал ливонского «орденского государства» и сделали невозможным эффективное военно-политическое сотрудничество ливонских ландсгерров и городов.

В 1443 г. между Псковом и Ливонским орденом был подписан 10-летний мир,¹⁰ но вскоре начался военный конфликт ордена с Новгородом, поводом к которому послужило убийство переводчика Герхарда фон Клеве, совершенное новгородцами.¹¹ Долгая война оказалась ордену не под силу, и он вынужден был совместно с епископом Дерптским подписать в 1448 г. на невыгодных для себя условиях 25-летний мир. Псков также признал условия новгородско-ливонского мира, но от своих территориальных претензий к ливонским ландсгеррам отказаться не спешил. Более того, теперь, когда орден был серьезно ослаблен, в сфере притязаний псковичей оказались владения Дерптской епархии и самого ордена. В 1450 г. ливонский магистр Гейденрейх Винке писал верховному магистру в Пруссию, что «русские схизматики из Пскова совместно с другими язычниками <...> большими отрядами ежедневно вторгаются в земли нашего ордена в Ливонии, уничтожают деревни, а подданных нашего ордена, что живут близ границы, угоняют с собой и продают язычникам в вечное рабство, из которого те никогда не возвращаются». По этой причине в следующем году магистр намеревался предпринять поход на Псков.¹² До войны дело не дошло, но набеги псковичей не прекратились. «Чем дальше, тем больше», как писал в 1454 г. ливонский магистр Менгеде.¹³

В 1460 г. между Дерптом и Псковом был заключено новое перемирие сроком на 5 лет, но год спустя, когда псковичи начали возводить «на обидном месте, на Великом (Чудском) озере» городок, названный позже Кобыльим, мир сменился очередным серьезным конфликтом. Разгоревшаяся война закончилась победой псковичей, сумевших мобилизовать все внутренние силы и получить помощь от великого князя Московского. По мирному договору 1463 г. ливонцы должны были уступить Пскову половину острова Порка и область Пурнау, в непосредственной близости от которой годом позже псковичи начали возводить крепость Красный городок. Ливонские государи, со своей стороны, также пытались укрепить границу. Этой цели, по-видимому, должны были служить расположенные в приграничной полосе «сторожевые поместья»

¹⁰ Первая Псковская летопись (далее – П1Л) // ПЛ. Т. 1. С. 46.

¹¹ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1 (далее – LEKUB 1). Riga; Moskau, 1889. Bd. IX. № 389, 395, 435.

¹² LEKUB 1. Riga; Moskau, 1889. Bd. XI. № 27.

¹³ Ibid. № 327.

(wardguter), подобные тем двум, что были пожалованы в 1468 г. магистром Менгедом вассалу ордена Якобу Коху.¹⁴ Скорее всего, их владельцы обязаны были оповещать орден об угрозе вторжения извне и оказывать помощь местным властям при его отражении. Принимались и более радикальные меры. Так, в марте 1469 г. войско магистра, нарушив условия мира, вторглось в русские пределы в окрестностях Синего озера, перебило жителей окрестных деревушек и пожгло их дома,¹⁵ чтобы посеять на русской стороне границы семена страха и таким образом покончить с нападениями на собственную территорию. Только вот результат был обратным – псковичи обратились за помощью к великому князю Московскому Ивану III и, заручившись его поддержкой, усилили напор, на что орден, не желавший смириться с потерей Пурнау и систематическими разорениями своих владений, отвечал адекватно. На этой почве и возникли условия для сближения Ливонского ордена с Новгородом, чьи отношения с Псковом в тот период также были весьма напряженными.¹⁶

К концу 60-х гг. XV в. руководство Ливонского ордена стало демонстрировать намерение пересмотреть условия псковско-ливонского договора 1463 г., вернуть ливонским ландсгеррам – ордену, рижскому архиепископу и епископу Дерпта – отторгнутые земли и положить конец кровавой «вендетте» в районе псковско-ливонской границы. Подобные устремления должны были укрепить престиж ордена, серьезно пострадавший в ходе затяжного внутреннего конфликта 1420–1440-х гг. («спор языков»), а также в результате сокрушительного поражения, которое ливонские рыцари потерпели от литовцев в битве на р. Свента в 1435 г., и неудач его военного противостояния Пскову и Новгороду в 1440–1460-х гг.

Перспективы дальнейшего развития Ливонского ордена во второй половине XV в. оставались неясными. В римской курии обсуждался вопрос о сохранении Немецким духовно-рыцарским орденом, одним из подразделений которого являлся Ливонский орден, его привилегий, пожалованных ему в XIII–XIV вв. императорами и папами. Утрата привилегий, составлявших правовую основу «орденских государств» Пруссии и Ливонии, могла иметь для Немецкого ордена самые тяжелые последствия, которых можно было избежать только предоставлением весомых доказательств сохранения им своей изначальной идентичности. В подобных условиях противостояние русским «схизматикам» и возврат незаконно отторгнутых Псковом ливонских земель демонстрировали приверженность братства традициям рыцарского служения «на пути Господнем», начало которым было положено в эпоху крестовых походов.

Эксплуатация этой идеи также обеспечивала Ливонскому ордену ценные козыри в борьбе с ливонским епископатом во главе с архиепископами Риги, которые считали орден своим ленником и старались за-

¹⁴ Livländische Güterurkunde (aus den Jahren 1207–1500). Riga, 1908. Bd. 1. № 443. S. 397.

¹⁵ ПИЛ. С. 233.

¹⁶ Алексеев Ю. Г. Москва и Новгород накануне Шелонского похода. С. 78.

ставить его признать свое подчиненное состояние. Такого рода попытки вызывали сопротивление и порождали бесконечную цепь коллизий, осложнявших внутривнутриполитическую обстановку «Старой Ливонии» в XV в. Руководство ордена в лице магистра Иоганна фон Менгедде генант Остхофа (1450–1469) и его преемника Иоганна Вальдхауса (Вольтуса) фон Херзе (1470–1471), осознавая серьезность положения, намеревалось разными способами укрепить политические позиции «орденского государства» в Ливонии и одновременно усилить собственную власть.

Вступление в должность Иоганна Вальдхауса сопровождалось эскалацией напряженности в отношениях ордена с ливонскими епископами. Первым на борьбу против ордена выступил епископ Эзельский (Сааре-Ляненский), опиравшийся на поддержку своих вассалов, а также короля Дании Кристиана I Ольденбургского (1448–1480). Последний рассчитывал использовать ливонскую «файду» в собственных интересах и вернуть датской короне некогда принадлежавшие ей о. Эзель (Сааре-маа) и Северную Эстонию.¹⁷ Таким образом, в свете происходящего проблема укрепления Ливонского ордена являлась чрезвычайно актуальной, а потому его новый глава постарался создать в нем жесткую вертикаль власти, отказавшись от традиций коллегиального правления, и провести ряд других реформ.

Этой же задаче была подчинена и внешняя политика магистра-реформатора, каким остался в истории Вальдхаус фон Херзе. На существование в ней ярко выраженного «русского направления» обратили внимание прибалтийские историки рубежа XIX–XX вв. Т. Шиманн, О. Штавенхаген, Г. Козак,¹⁸ отметившие большой интерес, проявленный этим магистром к разрешению «псковской проблемы». Уже в начале правления Вальдхаус перенес свою резиденцию из Риги в хорошо укрепленный замок Феллин (Вильянди)¹⁹ на стыке латгальских и эстонских владений ордена, присоединив к комплексу подчиненных ему орденских округов не только феллинскую комтуру, но и расположенные на юге Эстонии фогства Оберпален, Йервен и, возможно, Везенберг. В то же время он приказал возвести между Ревелем и Нарвой еще один орденский замок, который получил название Фридебург (от нем. die

¹⁷ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV–XVI вв. СПб., 1884; *Biskup M. Livland als politischer Faktor im Ostsceraum zur Zeit der Kalmarer Union (1397–1521) // Der Deutsche Orden in der Zeit der Kalmarer Union, 1397–1521. Toruń, 1999. S. 99–133.*

¹⁸ *Schiemann T. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Bd. 2. Berlin, 1887; Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse, 1470–1471, Meister des Deutschen Ordens zu Livland // Mitteilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1900, Bd. 17, H. 1. S. 1–88; Cosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwirklichungen des Ordens in Livland 1478–1483 // Baltische Studien zur Archeologie und Geschichte. Riga, 1914. S. 203–240.*

¹⁹ В 1488 г. прусские инспекторы отметили, что в Ливонии они не встретили ни одного орденского замка, укрепленного так же хорошо, как Феллин (*Biskup M. Wyzutacja zamków zakonu krzyżackiego w Inflantach z 1488 roku // Zapiski historyczne. 1984. T. 49. Z. 1. S. 119–128.*) Здесь хранилась орденская казна («трезель») и размещался орденский госпиталь.

Friede – «мир») и призван был гарантировать безопасность ливонцев, проживавших в районе русско-ливонского порубежья. Строительство велось быстрыми темпами; крестьяне округов Каркус, Феллин, Оберпален, Мариенбург, Йервен и Везенбург привлекались на принудительные работы; из Ревеля везли строительные материалы и съестные припасы.²⁰

Перенесение резиденции в Феллин позволяло Иоганну Вальдхаусу с близкого расстояния наблюдать все перипетии развития псковско-ливонского пограничного конфликта. Чтобы склонить псковичей к уступчивости, он поспешил обозначить свое присутствие в Феллине и 5 марта 1471 г. направил в Псков комтура крепости Мариенбург (Алуksне) с официальным уведомлением о переносе своей резиденции.²¹ Представитель магистра должен был также сообщить псковичам о его намерении соблюдать условия Нарвского мирного договора 1448 г. вплоть до истечения его срока (1473) и потребовать прекращения нападений на ливонскую территорию «на земле и на воде». Ответ, который комтур получил в Пскове, сохранился на страницах 3-й Псковской летописи: «Волен князь местер, где хочет ту себе живет, княжение держит, город ему свои. А что нам князь местер о земли и о воде повестует, а то земля и вода святыа Троицы псковская вотчина, великих князей и всея Руси уstrадание, туды у нас ныне и городи стоят. А что до Норовского миру, да того сроку хотим тако же держатися, как ваш государь князь местерь нам повестует».²² Власти Пскова, уверенные в поддержке великого князя Московского, по вопросу о реституциях уступать явно не собирались, хотя и провоцировать Ливонский орден на объявление войны также не стремились. Судя по сообщению летописца, посланцы магистра нашли в Пскове хороший прием и пробыли там две недели, в течение которых князь, посадники и все горожане оказывали им всяческие почести.²³

Между тем магистр Вальдхаус, заслушав отчет комтура Мариенбурга о пребывании в Пскове, получил неоспоримые доказательства существования псковско-московского альянса и понял, что это обстоятельство может существенным образом затруднить исполнение им роли поборника справедливости и защитника своих подданных от происков «схизматиков». Возможно, именно тогда у магистра возникла мысль о необходимости обрести надежного союзника, заинтересованного, подобно Ливонии, в ослаблении натиска со стороны Пскова и Москвы. События 1471 г. показали, что таким союзником мог стать для него Великий Новгород.

К сожалению, комплекс ливонских источников, относящихся ко времени правления Вальдхауса фон Херзе, крайне невелик. Мы располагаем лишь 14 документами, скрепленными подписью самого магистра,

²⁰ *Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 19.*

²¹ Посланец магистра в летописи назван «брат Пантелей Лыльский», по латгальскому наименованию крепости Мариенбург – Алуksне. В 1470 г. Герда фон Айзена на посту комтура Мариенбурга сменил Берндт фон дер Борх; кто из них ездил в Псков с поручением магистра, сказать трудно.

²² ПШЛ. С. 174–175.

²³ Там же.

большая часть которых содержат распоряжения частного характера, в основном ленные пожалования, и только три посвящены проблемам внутренней и внешней политики. Среди указанных документов, между тем, есть один, который заслуживает всяческого внимания. Речь идет о письме, которое магистр Вальдхаус написал 13 августа 1471 г. верховному магистру Немецкого ордена Генриху Реффле фон Рихтенбергу (1470–1477) и в котором содержатся сведения о весьма активных сношениях главы Ливонского ордена с Новгородом весной–летом 1471 г. Документ находился в Тайном Королевском архиве в Кенигсберге²⁴ и в XIX в. был опубликован в собрании документов по истории Прибалтийского края.²⁵ Его содержание настолько емко и интересно, что есть смысл воспроизвести его полностью, опустив лишь вступительную, приветственную часть.

«Без сомнения вам доподлинно известно, что шесть лет тому назад, когда Псков ограничил юрисдикцию новгородского архиепископа и отобрал у новгородцев землю и воду, Новгород просил о помощи нашего предшественника и заявлял о своей готовности, со своей стороны, оказать ордену помощь в борьбе с Псковом. Тогда наш предшественник совместно с государствами Ливонии вооружился и хотел вместе с Новгородом выступить в поход против Пскова. Обо всем, что тому помешало и кто тому воспротивился, вы узнали из писем, доставленных вам недавно фогтом Йервена.²⁶ Поскольку тот поход не состоялся, новгородцы тогда заключили договор с псковичами. Теперь же король Московский ведет войну против Новгорода, а псковичи являются его союзниками. Недавно у нас в Феллине одно за другим побывали два представительных новгородских посольства, которые поведали нам о своем бедственном положении и просили оказать им поддержку против Пскова. Мир, который существует у ливонских государств с Новгородом и Псковом и срок действия которого истекает через год на Якоба [25 июля 1473 г.], Новгород желает продлить на 10 лет или насколько мы захотим, но уже без привлечения Пскова. Тогда мы считали полезным для нашего ордена и Ливонии не оставлять новгородцев без утешения. Поскольку, если Новгород будет жестоко притесняем и угнетаем Московским королем и Псковом, а король [великий князь], храни от этого Господь, обретет неограниченную власть над Новгородом, архиепископ Рижский, епископ дерптский и наш орден во веки вечные не возвратят обратно свою землю и воду, которую Псков насильственным образом захватил при наличии мирного договора (букв.: в мире – *М. Б.*) и все еще удерживает; напротив, следует ожидать увеличения нападений и притеснений. Если же те [Москва, Новгород и Псков] объединятся, то мы с трудом сможем их в чем-либо убедить, а потому вынуждены

²⁴ Письмо упомянуто в «Индексе исторических и дипломатических документов по истории Ливонии, Эстонии и Курляндии», составленном К. Е. Напьерским (*Index corporis historico-diplomaticus Livoniae, Estoniae, Curoniae. Riga-Dorpat, 1835. Bd. 2. № 2042*).

²⁵ LEKUB I. Bd. 12. № 840. S. 478.

²⁶ В 1465 г. фогт Йервена Дитрих фон дер Дорнебург был направлен магистром Менгеле в Пруссию.

будем заключить мир по их воле и отказаться от всего того, что было у нас отторгнуто, или же вести войну против их всех. Это было бы для нас слишком тяжело. После того как мы основательно обдумали это и другое, о чем уместно было бы написать, по совету комтура Каркуса и некоторых других братьев ордена, которые тогда были при нас, мы предоставили послу [Новгорода] следующий ответ: „Поскольку упомянутый срок перемирия между Псковом и нашим орденом еще не истек, нам не следует столь легко оказывать Пскову. Однако, если это посольство [выражает] серьезное и твердое мнение Новгорода, мы желаем либо лично, либо через полномочного представителя 8 сентября начать переговоры о том на Нарове [в Нарве]. Мы можем сойтись во мнении относительно этого дела и после обмена необходимыми гарантиями оформить его соответствующим образом”. Затем [новгородские] послы последовали за нами в наш замок Вайсенштейн и потребовали, чтобы мы еще лучше все обдумали и обещали бы им больше содействия и помощи. Мы указали им прибыть в Альп. Там они просили нас самым настойчивым образом во имя дружбы и доброго соседства, которые Новгород всегда имел с нашим орденом и этими [ливонскими] землями, отказать псковичам и [тем самым] удержать их дома; им [новгородцам] желательно положить конец войне (*kriigs genoch pflegen*) с королем Московским, [поскольку] в противном случае они будут окончательно [им] подчинены. Наш орден и страна Ливония уже давно упорно стремились к тому, чтобы отделить Новгород от Пскова и теперь, если мы окажем Новгороду помощь против Пскова, мы определенно сможем тем самым вернуть себе свое достояние; в противном же случае, если они друг с другом заключат договор, у нас, скорее всего, окажется два врага, вот почему мы по совету комтура Ревеля и нескольких вассалов нашего ордена, которые в то время находились при нас, дали [новгородским] посла ответ, содержание которого представлено в прилагаемой здесь записке, и пояснив, что намереваемся направить в Новгород наших послов с [изложением] такого рода пунктов. Так мы и поступили. Таким образом, если господин архиепископ [Новгородский], бургомистры [посадники], герцоги [тысяцкие], старшины и мудрейшие Новгорода эти пункты одобряют, скрепят печатями и клятвой, то мы, заручившись поддержкой этой страны [Ливонии], окажем им помощь. Потому мы и послали нашего ландмаршала с несколькими вассалами нашего ордена к господину рижскому архиепископу, чтобы держать о том совет с ним, его капитулом и его людьми. Также мы сообщили о положении дел господам епископам Дерпта и Эзеля, а 26 августа мы сами собрались по этому поводу в Ревеле с [рыцарством] земель Гаррии и Вирлянда, принадлежащих нашему ордену. Тем временем из Новгорода вернулись наши послы. И если новгородцы пойдут на предложенное подписание и крестоцелование и это будет одобрено также прелатами этой страны и рыцарством Гаррии и Вирлянда, мы не сможем от того отказаться, и начнется война. Поэтому мы смиренно просим вас: если есть в Пруссии дворяне и солдаты (*trabanten*), которые могут оказаться полезными нашему ордену и которые вас слушаются, то пошлите нам из их числа, как только мы сообщим вам о неизбежности войны, 300–400 всадников

(букв.: лошадей – М. Б.) и некоторое количество пехотинцев. Однако мы заявляем в открытую, что по положению дел мы не можем обещать или предписать этим дворянам и солдатам жалования; но если они пожелают во имя христианства прибыть в страну [Ливонию], надеемся, что сумеем с ними обойтись так, что они будут довольны. Смирненно просим вас незамедлительно дать нам ответ».

Пункты, которые ливонские посланцы должны были передать в Новгород, гласили следующее: «Во-первых, следует продлить мир между нами, этими [ливонскими] землями, и ими на 10 лет, а псковичей следует исключить из договора. Пусть Новгород не принимает мирным образом ни их, ни их землю, воду и юрисдикцию, пока [это] не будет принято господином магистром и его страной. Равным образом и господин магистр и его страна не должны забирать свое [достояние] у Пскова без Новгорода, но вместе с Новгородом противостоят Пскову в интересах друг друга. Если же Псков поведет себя враждебно в отношении Новгорода и не возвратит его собственности, то господин магистр со своей страной сядет в седло, избавит Новгород от опасности (entsetzen) и поможет им [новгородцам] взыскать свое [достояние]. Со своей стороны, Новгород обязуется сделать то же самое в отношении господина магистра и его страны. Обоим [союзникам] не следует отделяться друг от друга, но согласно крестоцелованию надлежит вместе стоять против Пскова один за другого».

Факт обращения новгородцев к Ливонскому ордену с просьбой об оказании военной помощи против Пскова в 1465 г. подтверждается I Псковской летописью,²⁷ но вот приезды новгородских посланцев к ливонскому магистру летом 1471 г., когда противостояние Новгорода великому князю Московскому было в самом разгаре, составителями псковских и новгородских летописных сводов почему-то остались незамеченными. Между тем хорошо известно сообщение IV Новгородской летописи о том, что вскоре после Шелонской битвы (14 июля) новгородцы направили послов к польскому королю Казимиру IV, которые, однако, вскоре вернулись, поскольку ливонский магистр отказал им в праве проезда через Ливонию.²⁸ Вполне вероятно, что это новгородское посольство и являлось первым из двух, посетивших магистра Вальдхауса в Феллине в конце июля – начале августа 1471 г. То, что ливонский магистр не счел нужным сообщить главе Немецкого ордена о конечном пункте следования новгородских послов, неудивительно, поскольку, в соответствии с положениями 2-го Торуньского мира 1466 г., верховный магистр как вассал польского короля был обязан доводить до его сведения все то, что касалось интересов польской Короны. Вряд ли Иоганну Вальдхаусу хотелось, чтобы польско-литовский государь, с которым ему только что удалось урегулировать ряд спорных вопросов,²⁹ узнал, что он не пропустил в Литву новгородское посольство, а потому он предпочел о том умолчать.

²⁷ ПЛ. С. 229. См. также: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 144.

²⁸ НВЛ. С. 127.

²⁹ Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 27.

Сомнений не вызывает лишь одно – вмешательство Польско-Литовского государства в борьбу Новгорода с Москвой шло вразрез с интересами Ливонского ордена. Ливонский магистр полагал, что будет лучше, если в роли союзника Новгорода, которому тот будет обязан сохранением независимости, выступит не польский государь, а руководимый им орден, который в случае успеха получил бы дополнительный козырь в борьбе с Псковом и укрепил свой авторитет ландсгерра внутри Ливонии. Вот почему, отказав новгородским послам в праве проезда через свои владения, магистр сделал им встречное предложение, касающееся заключения военно-политического союза между Ливонским орденом и Новгородом, направленного против Пскова. Однако новгородцы не располагали необходимыми на сей случай полномочиями и вынуждены были вернуться в Новгород, осажденный московскими полками. После поражения на Шелони положение города оказалось критическим, однако новгородские власти, хватаясь за соломинку, решили использовать предоставленный шанс, одобрили инициативу магистра и отдали распоряжение о повторной поездке своих представителей в Феллин.

Странно, что магистр Вальдхаус в своем письме к верховному магистру ничего не упоминает ни о ходе июльской кампании в Новгородской земле, ни о шелонском разгроме, ни о разногласиях, существовавших внутри новгородского руководства. Даже если новгородские послы ничего ему о том не рассказали, у него были другие источники информации, в том числе и данные разведывательной службы ордена.³⁰ О. Штавенхаген полагал, что магистр допустил ошибку, переоценив обороноспособность Новгорода и полагая, что великий князь предпримет генеральное наступление на Новгород лишь с началом зимы.³¹ Вряд ли это было так: Иоганн Вальдхаус, как следует из его письма, оценивает положение Новгорода как крайне тяжелое и прямо указывает на вероятность скорого его подчинения великому князю.

Думается, о сражении на Шелони магистр узнал вскоре после отъезда первого новгородского посольства, примерно, в 20-х числах июля – новости из Новгорода попадали в Ливонию, как правило, по истечении недели, – и это предопределило его поведение во время повторного визита новгородцев. Те, стараясь обеспечить себе хоть какую-то поддержку, настаивали на немедленном продлении мирного договора с Ливонией, имея в виду, что срок договора 1448 г. вскоре истекает. Их настойчивое желание исключить из числа его гарантов Псков вполне понятно – в Новгороде знали о территориальных претензиях Ливонского ордена к Пскову и надеялись, что новая версия русско-ливонского договора спровоцирует орден на войну с ним. В результате псковичи, поглощенные собственными проблемами, вынуждены были бы отказаться от участия в походе на Новгород, чем ослабили наступательный порыв московского войска. Но ливонский магистр уклоняется от прямого ответа. С одной стороны, объединение Пскова и Новгорода под властью мо-

³⁰ Бессуднова М. Б. Разведывательная служба Ливонского ордена накануне русско-ливонской войны 1501–1503 годов // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. СПб., 2010. С. 17–31.

³¹ *Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 34.*

сковского государя – именно это он имел в виду, когда писал о вероятности союза трех русских земель, – лишило бы орден возможности аннулировать условия псковско-ливонского договора 1463 г. и вернуть ливонским ландсгеррам их земли. Однако, с другой стороны, – и это ливонский магистр, видимо, также хорошо себе представлял, – открытое выступление ордена на стороне Новгорода при сложившихся обстоятельствах могло привести к самым непредсказуемым последствиям. В случае поражения Новгорода орден мог оказаться один на один в противостоянии мощной коалиции русских земель под началом великого князя Ивана III. По этой причине прежде, чем пойти на открытый разрыв с Псковом, чего добивались новгородцы, и вступить с ним в войну, он пожелал разузнать о положении дел в Новгороде и заручиться надежными гарантиями со стороны новгородского руководства, для чего и снарядил в город свое посольство. Отсрочка в подписании новгородско-ливонского договора, неизбежная при подобной стратегии, новгородских послов никак не устраивала, а потому они, стараясь побудить магистра к более решительным действиям, последовали за ним из Феллина в Вейсенштейн (Раквере), а потом в Альп, однако Иоганн Вальдхаус твердо стоял на своем.

По совету своих гебитигеров – в письме упомянуты комтур Каркуса (Каркси) и комтур Ревеля,³² – ливонский магистр поручил своим послам, отправлявшимся в Новгород, передать городским властям проект договора, или «пункты». Заслуживает внимания, что, судя по содержанию этого документа, ливонский магистр не намеревался использовать тяжелое положение Новгорода и требовать от него каких-либо уступок в пользу Ливонии или ордена. Предполагаемый договор основывался на паритетных началах и предусматривал совместные военные действия ордена и Новгорода против Пскова. Никаких недружественных акций в отношении Москвы договор не предусматривал, в чем также проявилась осторожность магистра, не желавшего раздражать столь могущественного государя, каковым являлся Иван III.³³ Можно предположить, что именно тогда в целях подстраховки магистр направил великому князю сообщение о том, что он не пропустил в Литву (первое) новгородское посольство, которое и оказалось зафиксированным русской мемуарной традицией.

В момент написания письма верховному магистру (13 августа) ливонский магистр еще не знал о капитуляции Новгорода и о том, что 11 августа между Иваном III и городом был подписан договор о вхождении Новгородской земли в состав Московского государства, по условиям которого Новгород, помимо прочего, обязался порвать все свои отношения с Литвой и прочими врагами Московского государства.³⁴ «Посланцы магистра, таким образом, прибыли не в тот город, куда были

³² Комтуром Каркуса в 1471 г. являлся Эберхард Лаппе, а комтуром Ревеля – Энгельбрехт Моник, однако и тот, и другой, возможно, получили назначение лишь после отстранения Иоганна Вольтуса от должности магистра.

³³ Schieman T. Russland, Polen und Livland... S. 318.

³⁴ ГВП. № 26–27.

посланы», – написал по этому поводу О. Штавенхаген.³⁵ Новые новгородские власти в лице великокняжеских наместников ничего не хотели слышать о союзе против Пскова и дали ливонским послам оскорбительный ответ.³⁶

Магистр ожидал возвращения своих послов к 26 августа. Полагая, что переговорный процесс с Новгородом будет продолжен и приведет к войне с Псковом, он созвал к этому сроку совещание гебитигеров, о котором упоминается еще в одном любопытном послании, направленном в октябре 1471 г. верховному магистру ливонскими гебитигерами, организовавшими заговор против магистра Вальдхауса и отстранившими его от должности. В этом документе, далеко не беспристрастном, высшие орденские чины заявляли, что на указанном совещании они единогласно выступили против союза с Новгородом, но магистр не захотел последовать их совету. Убедившись в его непоколебимости, гебитигеры, судя по их заявлению, потребовали от него обратиться к друзьям ордена в Германии, которые могли оказать помощь в предоставлении опытных солдат, однако магистр ограничился тем, что объявил сбор кнехтов и ополчения в пределах одной Ливонии.³⁷ Это утверждение орденских чинов, старавшихся оправдать свои действия, не вызывает доверия, поскольку из приведенного выше письма магистра известно, что уже в середине августа тот пытался получить солдат из Пруссии, а если и обратился к созыву ливонского ополчения, то, скорее всего, по причине нехватки времени и денег.

В послании гебитигеров среди обвинений в адрес магистра говорится также, что тот пренебрег решением ливонских «сословий» – так в ливонских документах назывался ландтаг, – и направил послов в Новгород вопреки их рекомендациям. Стараясь очернить свергнутого магистра, гебитигеры пошли на прямую подтасовку фактов: события конца июля – начала августа 1471 г. развивались так стремительно, что у магистра до отправки послов в Новгород просто не было времени для созыва ландтага, но это не означает, что он игнорировал мнение «сословий» и действовал вопреки сложившейся традиции. В конце августа глава Ливонского ордена посетил Ревель, где власти города устроили в его честь торжественный прием в ратуше. Счета ревельского магистра свидетелствуют о присутствии там большого количества людей,³⁸ что дает основание предполагать участие в нем эстонских вассалов ордена, которым предстояло выступить в составе ополчения и принять участие в боевых действиях. Примерно тогда же, 8 сентября («на Рождество Девы Марии»), подданные дерптского епископа собрались на совещание в Рон-

³⁵ *Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 34–35.*

³⁶ В послании гебитигеров Ливонского ордена в Пруссию, составленном после свержения Иоганна Вольтуса фон Херзе, сказано, что послы магистра получили в Новгороде такой грубый ответ, что им лучше было бы оставаться дома и никуда не ездить (*Index corporis historico-diplomaticus Livoniae. № 2058*).

³⁷ *Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 40–42.*

³⁸ Во время первого застолья выпито было 120 штофов вина и 12 бочек пива, во время второго – 132 штофа вина и 16 бочек пива. Эти сведения содержатся в счетных книгах Ревеля (TLA, f. 230, nim. 1, A.d. 27) и упоминаются в статье О. Штавенхагена (*Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 36*).

небурге и в присутствии ландмаршала Ливонского ордена обсудили перспективы предстоящей войны с Псковом (*ummet bespreke to geuaende up de Pleszkouwere*).³⁹ Надо заметить, что эта реплика является на сегодняшний момент единственным, но неоспоримым свидетельством подготовки войны против Пскова, которая началась в Ливонии в конце лета или начале сентября 1471 г. Рига, которая в соответствии с Кирххольмским договором 1452 г. обязалась предоставлять Ливонскому ордену военную помощь без предварительного обсуждения, все же запросила мнения архиепископа, которого упорно считала своим основным ландсгерром.⁴⁰

Что же касается ландтага, то решение относительно его созыва было принято магистром в сентябре.⁴¹ Его заседание должно было состояться в Вольмаре (Валмиере) 3 ноября 1471 г., однако к тому времени в Ливонии произошли серьезные перемены. Известия, доставленные из Новгорода послами магистра, заставили того самым существенным образом скорректировать свои планы. О начале военных действий речи уже не шло. Во всяком случае, в своем письме к верховному магистру от 17 сентября ливонский магистр ни словом не упомянул о подготовке Ливонского ордена к войне с Псковом.⁴²

Тем временем в действие были приведены скрытые пружины. Заговорщики из числа высокопоставленных орденских чинов захватили магистра Вальдхауса в замке Гельмед и чуть позже на капитуле провозгласили его низложенным. В 1473 г. он умер в тюрьме при загадочных обстоятельствах, возможно, от рук убийц. Орденская хроника конца XV в. по этому поводу сообщает: «После двухлетнего правления магистр Вольтус вопреки праву и справедливости был свергнут с поста магистра и пленен в результате неверности своих собратьев по ордену; вероятно, в тюрьме он и умер, из-за чего Господь покарал Ливонию великими бедствиями».⁴³

Позже в одной из исторических компиляций, которые в изобилии стали появляться после секуляризации Ливонского ордена (1562) и утраты Ливонией независимости, в качестве главной причины свержения Вальдхауса фон Херзе было названо его сближение «с москвитами».⁴⁴ Ф.-К. Гадебуш, один из самых ярких лифляндских историографов XVIII в., усмотрел причину несчастий магистра Вальдхауса в том, «что в отношении его внутри ордена возникло подозрение, будто он находился в соглашении с русскими»,⁴⁵ точнее – с новгородцами, хотя это за-

³⁹ *Stavenhagen O. Johann Woltus von Herse. S. 37.*

⁴⁰ Об этом говорится в письме архиепископа Рижского от 17 октября 1471 г., адресованном рижскому магистрату (LEKUB 1. Bd. 12. № 857).

⁴¹ *Ibid.*

⁴² LEKUB 1. Bd. 12. № 853.

⁴³ *Kleine Herrmeister-Chronik. Hg. v. K. v. Schirren // Archiv für Geschichte Est-, Liv- und Kurlands. Reval, 1861. Bd. 6. S. 268–283.*

⁴⁴ «Иоганн Вольтус <...>, после того как попал под подозрение [в соглашении] с москвитами (*cum Mosachis*), был по этой причине схвачен братьями ордена, брошен в тюрьму и убит» – *Mathiae Strubyczii Livoniensis Livoniae ducatus decriptio. S. 1., 1577. S. 28.*

⁴⁵ *Gadebusch F.-K. Livländischen Jahrbücher. Riga, 1780. Bd. 1. Abt. 2. S. 189.*

ключение опиралось на весьма тенденциозные заявления ливонских гебитигеров из их уже упоминавшегося выше послания.

Заговорщики не пожалели красок, чтобы представить союз Ливонского ордена с Новгородом нецелесообразным, а замыслы отстраненного магистра – безумной авантюрой, которая обрекала Ливонию на тяжелую войну при неблагоприятных для нее обстоятельствах. Орденская Пруссия, ослабленная поражением в Тринадцатилетней войне 1454–1466 гг., не могла оказать ей никакой помощи; внешнеполитические позиции соседних государств – скорее всего, имелись в виду Польско-Литовское государство и Швеция – были на тот момент неизвестны; Новгород же мог пойти на подписание мира с Псковом в одностороннем порядке, после чего Ливония, обреченная вести войну в одиночестве, понесла бы в ней большой урон. По версии составителей этого послания, магистр Вальдхаус уже после получения отказа Новгорода от заключения союза с Ливонским орденом направил в Псков письмо с угрозами, которое могло повлечь за собой нарушение мира с этим городом (*up einen trost der friden*). Во всяком случае, в Москве, куда письмо было переправлено псковичами, его содержание восприняли как нарушение мирных договоренностей. Можно добавить, что существование подобного письма документально не подтверждено, что ставит под сомнение слова противников сверженного магистра.

Оценка несостоявшегося союза с Новгородом дана гебитигерами в откровенно негативных тонах: «Если бы Новгород принял те пункты [магистра], то наш орден был бы вовлечен в войну, к которой мы при такой тяжелой нужде плохо подготовлены. Но Господь был на нашей стороне и стороне нашего ордена, поскольку сделал так, чтобы Новгород отклонил предложения брата Иоганна, был разбит великим князем и принужден к заключению мира. Таким образом, наш орден оказался избавленным от войны (*aldus wart unse orden der feyden anich*)».⁴⁶ Составители письма полагали, что магистр своим необдуманным поступком подвел Ливонию к опасной черте, за которой ее ждала тяжелая война, и то, что она тогда не началась, представлялось им спасительной удачей. Возможно, они были недалеки от истины, поскольку состояние Ливонского ордена в начале 1470-х гг. было поистине очень тяжелым.⁴⁷ Сближению Ливонского ордена с Новгородом, безусловно, содействовало их обоюдное стремление воспрепятствовать окончательному подчинению новгородской «республики» Московскому государству, но проект союза, который взялся осуществлять Вальдхаус фон Херзе, не был продуман, отличался спонтанностью и даже, возможно, авантюристкой, что вполне объясняется отсутствием у Ливонии и Новгорода опыта заключения военно-политических союзов. Кроме того, задуманный магистром проект предполагал ведение долговременного переговорного процесса и, как следствие, наличие у договаривающихся сторон резерва

⁴⁶ Index corporis historico-diplomaticus Livoniae. № 2058.

⁴⁷ Бессуднова М. Б. Ливонский орден в конце XV века: миф и реальность // История общественного сознания: становление и эволюция. Сб. памяти А. О. Амелькина. Воронеж, 2008. С. 54–58.

времени, которого на тот момент ни у магистра, ни у его предполагаемого союзника не было.

Отстранение и арест магистра Вальдхауса предопределили изменение внешнеполитического курса «орденского государства». Тут следует отдать должное оперативности нового магистра Берндта фон дем Борха (1471–1483), постаравшегося в кратчайшие сроки нормализовать отношения с Иваном III, которому, надо сказать, совсем не хотелось портить свои отношения с ливонскими ландсгеррами. Судьба Новгорода окончательно не была решена и неясным оставался исход соперничества Москвы с Литвой, а потому дружеский нейтралитет Ливонии, обеспечивавший изоляцию этих основных противников московского государя, много для него значил. Кроме того, он предоставлял Москве возможность динамично развивать дипломатические сношения со странами Западной Европы, являвшие собой одно из основных направлений великокняжеской внешней политики 70-х – начала 90-х гг. XV в. Маршрут, который вел от Новгорода и Пскова через ливонские земли в портовые города далекой Германии, позволял великокняжеским послам миновать опасные для них владения польско-литовских Ягеллонов и на несколько лет стал связующим звеном между Московской Русью и западноевропейскими государствами. Именно по этому пути осенью 1472 г. из Рима в Москву проследовала нареченная супруга Ивана III Софья Палеолог со своей свитой, что само по себе свидетельствует о стабильности московско-ливонских отношений начала 1470-х гг.

В 1475 г. новгородцы все же начали войну против Пскова, но Ливонский орден, возглавляемый Берндтом фон дер Борхом, на сей раз не проявил ни малейшего желания вмешаться в конфликт между двумя русскими землями.